

РАЗВЛЕЧЕНИЕ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СЪ ПОЛИТИПАЖАМИ.

1859.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ книжныхъ магазинахъ: Гг. Базунова, Свѣш-
никова, Щепкина, Лоскутова, Улитина, Салаева,
Глазунова и въ Конторѣ типографіи Каткова
и Коми.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Москвѣ безъ доставки. . . 3 р. с. въ годъ.
Съ доставкой. 4 " "
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 4 " "
Съ пересылкою въ города. . . 5 " "

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

СОДЕРЖАНИЕ: Вечеръ въ лѣсу. Стих. М. Д. — Знакомство. Сцены. А. Студина. — Ва, Ла, Ми. Разсказъ. — Воздушные замки. Стих. В. Вердеревскаго. — Замѣтки. — Веверлей и Доротея. Печальная баллада (четыре полиטיפажа). — Наше время. Н. Н—на. — Педагогу. Стих. А. Баженова. — Анекдоты. — Мелочи.

ВЕЧЕРЪ ВЪ ЛѢСУ.

Листы на деревьяхъ лепечуть,
Ручей въ берегахъ говоритъ.
Далекое эхо хохочетъ,
Утѣсь, понаступая, молчитъ!
Цвѣты помагають головкой,
Красуясь жемчужной росой,
И старая дремлетъ береза.
Качаясь съдой головой.

Поетъ соловей голосистый,
И все о любви, о любви!
Сороки щекочуть про сплетни,
Кругомъ — прыгъ да прыгъ воробья —
Фравтять, куртизанять, и вздоры
Сбирають, разносятъ въ лѣсу;
А праздныя галки толкують
Про нихъ же сто разъ на часу!

Жужжа, разлетаются пчелы,
Съ добычей несутся въ рои;
Работаютъ, зернышки сносятъ
На зимній запасъ муравьи;

Невидимо стрекчетъ въ высокой
Травъ стрекоза; мотыльки
Порхаютъ въ цветочкахъ, а мошки
Толкутся столбомъ у рѣки!

Взглянуло вечернее солнце
Сквозь розовый пологъ небесъ,
Прошли длиннопогія тѣни,
Замолкли поляны и лѣсъ!
Вечерній лишъ жукъ одиноко
Последній, летя, прожужжалъ!
Повѣяло холодомъ; трепеть
По листьямъ деревъ пробѣжалъ!

И такъ не одинъ я, въ пустыню
Зашедши отъ добрыхъ людей!
На праздникъ лѣтнемъ у Бога
Не мало веселыхъ гостей!
И такъ ты жива, о природа!
Не мертвая машина ты!
А я и не слышалъ твой голосъ
Среди городской суеты!

М. Д.

ЗНАКОМСТВО.

СЦЕНЫ ИЗЪ КУПЕЧЕСКАГО БЫТА.

(Окончаніе).

СПУСТЯ ДВА ДНЯ.

VI.

Кроткина и Шабаевъ входятъ.

Шабаевъ. (сердито.) Здѣсь Меодій?

Кроткина. Нѣтъ, батюшка, былъ да вышелъ.

Шабаевъ. (Кладетъ на столъ шапку, и, не снимая шубы, садится) Вѣдь вотъ какая притча приключилась. Вѣдь еще не образумился, совсѣмъ рѣхнулъ: вотъ ужъ третій день носа въ лавку не показываетъ. Вѣдь этакъ, пожалуй и руку въ отцовскій карманъ запустить,— чего добраго.

Кроткина. Ну, ужъ до этого не попуститъ Богъ. Что, ты, братецъ!

Шабаевъ. Чего добраго? всяко бываетъ. Вѣдь онъ тоже имѣетъ вкусъ, а деньги вещь соблазнительная, я и самъ до нихъ охотникъ; еще когда въ малолѣтствѣ находился, такъ и то, бывало, при мнѣ плохо не клади, Я было ему волю далъ: пусть его, говорю, гуляетъ. авось перебѣсится да опять за умъ возьмется; апъ не туда, видно, поѣхала; не тѣмъ пахнетъ. Нѣтъ, надо рѣшительныя мѣры взять, а не то совсѣмъ избалуется; куй желѣзо пока горячо,—сказывается пословица; а дай-ка ему волю, онъ тутъ такихъ крамблей надѣлаетъ, что и не опомнишься.

Кроткина. Что и говорить! Надо припугнуть. Мальчикъ молодой; разсудку еще мало.

Шабаевъ. А я было и оженить его собрался, а тутъ, какъ парочно, этотъ пассажъ подвернулся. Чтожъ ты будешь дѣлать?..

Кроткина. У когожъ, братецъ, любопытно знать, взять хотите?

Шабаевъ. Да хотьбы у Самоправиныхъ. Что переминаешься? аль не отдадутъ?

Кроткина. Да, врядъ ли, братецъ! Ихъ порода высокая,—прадѣвъ въ купечествѣ скончался, сколько лѣтъ гильдію платятъ, а вы только — Господи благослови....

Шабаевъ. А я полагаю, падать отдать, потому, выходитъ, что товару-то этого у нихъ большой запасъ: цѣлыхъ четыре. А пынче и нашъ братъ наровить, что бы и деньги хорошія да и жена тоже; а вѣдь онъ, правду молвить, собой не далеко уѣхали: старшая-то снафида снафидой, больно неприглядна, а мы и ею не побрезгуемъ, были бы деньги....

Кроткина. Чтожъ! попытайте; можетъ быть, и ваше счастье.

Шабаевъ. Да ужъ я и то порѣшилъ, хочу сваху засылать, а не то и самъ явлюсь; чтожъ такое? попытка не пытка, а спросъ не бѣда. Отдадутъ—хорошо, а нѣтъ и не надо, была бы честь приложена, повернемъ оглобли, да и были таковы.

Кроткина. А ему, братецъ, кажется Пшеницына нравилась?

Шабаевъ. Нѣтъ, намъ пшеница не съ руки, намъ давай просо.

Кроткина. А какая бы парочка знатная была, оба бѣленькіе.

Шабаевъ. Чтожъ парочка? вѣдь на нихъ въ дышло не ѣздить, на что они паристые-то? Она, правду сказать, смазлива да прилагательныхъ-то маловато, а намъ хочется побольше зашибить, чтобъ было, понимаешь, изъ чего лишняго человѣчка въ домъ принять. Смазливую безъ денегъ не далеко искать, только свистни; да что за радость въ красотѣ-то. Вѣдь съ ея лица воды не пить.

Кроткина. Такъ-то, такъ, а все таки бы лучше хорошенькую.

Шабаевъ. Вѣстимо, еслибъ одно при другомъ, такъ толковать бы не сталъ, а то, выходить, есть о чемъ разсуждать.

Кроткина. Ну, а если съ ними не сладите, тогда гдѣ думаете?

Шабаевъ. Прежде времени что объ этомъ разсуждать? тогда и видно будетъ; толкачь муку покажетъ. Это дѣло обнаковенное: не та, такъ другая; Москва велика,—поискать есть гдѣ. Вѣстимо, гдѣ сподручнѣй будетъ, тамъ и возьмемъ. А почему знать? можетъ быть, еще и тутъ выгорить дѣло; вѣдь впередъ не пропикнешь; вотъ попытаемъ, тогда и увидимъ; какой оборотъ принять.

Кроткина. Говорятъ, Самоварниковъ очень выгодно женился, одного бѣлья на пять тысячъ.

Шабаевъ. Да, у него губа не дура, знаетъ гдѣ раки зимуютъ; я и самъ на нее зарилъ глаза, да опоздалъ маленько. Ну, да, если удастся обработать дѣльце, такъ это еще повальготнѣй будетъ: тутъ на худой конецъ тысячъ десять серебра будетъ, али и всѣхъ пятнадцать: похлопотать, выходить, есть изъ чего. (Беретъ шапку и идетъ къ двери). Приходи къ жень-то, виѣсть потолкуете; вѣдь вамъ празничекъ теперь; вы, чай, насадитесь рады, разсуждаючи объ этомъ.

Кроткина. Приду, приду, братецъ! я и сама хотѣла васъ провѣдать; сей-часъ къ обѣднѣ, а оттуда и къ вамъ забреду. Да, братецъ, что Николушка дѣлаетъ?

Шабаевъ. Что дѣлаетъ? его извѣстное занятіе въ полнивной за графинчикомъ.

Кроткина. Я ужъ и то, братецъ, говорю, попоить бы его парнымъ молокомъ; говорить, вишь, отбиваетъ.

Шабабевъ. Да какъ его поить-то? вѣдь, ты знаешь, какой онъ у насъ оскорбительный. Еще скажетъ, что мы изъ него малаго ребенка разыгрываемъ; пусть его какъ самъ знаетъ. (Уходитъ).

Авдотья. (входя) Никакъ, сударыня, свадьба затъвается?

Кроткина. Да, хочеть Меѳодюшку женить, только задумаль-то болно высоко; мѣтитъ на Самоправину старшую. Врядъ ли будетъ успѣхъ.

Авдотья. Да-съ, чего добраго и мордой объ лапку, семейство гордое. Они вонъ и Птахину надвинули шапку, ужъ чего бы, кажется, лучше? чѣмъ не мужикъ? и домъ и лавка. Все какъ быть надлежитъ: да и то утерли носъ.

Кроткина. А ты, Авдотьюшка, покуда не говори объ эвтомъ, повремени не много.

Авдотья. А мнѣ что говорить? Легколи какое дѣло, вѣдь, не я женюсь или замужъ выхожу, по мнѣ хоть у генерала пусть сватаетъ; я только, къ примѣру сказать, свой резонъ представляю.

Кроткина. Однако пора къ обѣднѣ идти, ужъ началась, я думаю. (Надѣваетъ салонъ и идетъ).

Маша. (входя) Наконецъ-то! А я боялась, что они застанутъ маменьку. Вотъ бы удружили!

Авдотья. А они-то, какъ будто сговорились, взяли да ушли.

Маша. Да; но я уже начинаю бояться, что они обманутъ; вѣдь эти чиновники съ большими претензіями, еще захочетъ ли идти въ купеческій домъ?

Авдотья. Нѣтъ-съ, объ эвтомъ не имѣйте сумнѣнія, они съ удовольствіемъ; только позовите, да вотъ ни какъ и они. (Идетъ отворяетъ дверь и уходитъ).

Маша. Ахъ! и то должно быть.

VII.

Маша, Меѳодій и Безмыкинъ.

Меѳодій. Что, заждалась? чай въ немоготу стало? (береть Безмыкина за руку) на вотъ тебѣ его, пользуйся; а я пойду къ Авдотѣ, похвастаюсь новымъ одѣяніемъ, а то она все говоритъ, что я неприличенъ; посмотримъ, что теперь скажетъ. (Къ Машѣ). Что глаза растеряла, да такъ-съ, вѣдь эта птица не нашего полету: хватъ, голова, орелъ—все единственно, вуле ву дю те самоваръ! да такъ-съ, знай нашихъ, по французскому тачаемъ. (Уходитъ, размахивая руками).

Безмыкинъ. (Послѣ непродолжительнаго молчанія) Сударыня! позвольте узнать, въ какихъ приятныхъ удовольствіяхъ жизнь убиваете?

Маша. (Нѣсколько скапфузившись) Для меня первое развлеченіе въ жизни книги, а вт...

Безмыкинъ. А, книги это самое пріятное провѣдѣніе времени.

Маша. И вы тоже, кажется, ихъ любите.

Безмыкинъ. О, я обожаю литературу, это жизнь моя; это—это мать, которая меня воспитала; я безъ нея жить не могу. Я такъ сказать, самъ литература. (Помолчавъ) Да, литература способна заносить насъ въ невѣдомыя страны, даже, можно сказать, въ самые преисподніе міры фантазіи и духа.

Маша. Вотъ еще танцы благородное удовольствіе...

Безмыкинъ. Да танцы, музыка, поэзія. Скажите, пожалуйста, что вы чувствуете, или, такъ сказать, ощущаете во время танцевъ?

Маша. Я чувствую какую-то усталость и нѣгу, а иногда даже блаженство. А вы что?

Безмыкинъ. О, я во время танцевъ, всѣми моими чувствами предаюсь сазерцанію того предмета, съ которымъ танцую. А вы, я полагаю, въ танцахъ легки, какъ муха!

Маша. (Раскраснѣвшись) Вы все комплименты строите...

Безмыкинъ. Нѣтъ-съ, эта метафора вылилась со дна души моей.—А вы знаете, что сказалъ Пушкинъ одной дѣвицѣ, въ разсужденіи ея легкости?

Маша. Нѣтъ; что-то не припомню.

Безмыкинъ. Она, говоритъ, летитъ, такъ сказать, какъ пухъ отъ устъ Эола. Эоль, знаете, былъ египетскій богъ.

Маша. Я читала Онѣгина и мнѣ тамъ очень понравилась одна строка: «облатка розовая сохнетъ на воспаленномъ языкѣ.»

Безмыкинъ. Да, у него много этого.... его талантъ, можно сказать, огласилъ всю Европу громкимъ голосомъ. (Помолчавъ). Какіе у васъ бархатные глазки...

Маша. Вы все любезничаєте....

Безмыкинъ. Да, признаюсь, я люблю иногда развести пріятныя категоріи съ женскимъ поломъ. Женщины стоять для меня на недосыгаемой высотѣ. Вотъ хоть, на примѣръ, представимъ вашу фигуру, вѣдь она для меня что такое?—идеаль, перлъ какой то. (Вздыхаетъ). Да, при видѣ хорошенькой женщины я сожигаясь какимъ-то адскимъ пламенемъ, даже какая-то тоска овладѣваетъ мною...

Меѳодій. (Возвращается и приближается къ разговаривающимъ.) Ну что, братъ, какова? вѣдь это, чортъ возьми, Офелія какая ни-на-есть. Татьяна робкая; вѣдь это, я тебѣ скажу, отдай все да и мало.

Маша. (Покраснѣвъ) Ты, Меѳодій, вѣчно оконфузишь. (Убѣгаетъ).

Безмыкинъ. Да, она belle femme... женщина, надо отдать ей справедливость, во всемъ своемъ развитіи.

Меодій. Да такъ, братъ, эта завѣтъ и разовѣтъ, дасть знать себя, ужъ на томъ, значить стоять, охулки на руку не положить. Теперь будешь знать, какія у насъ штуки водятся. (Помолчавъ) Вотъ, еслибы вашему-то брату, да на голодные зубы, вѣдь, чай бы нитки живой не оставили...

Безмыкинъ. Что и говорить, женщина деликатесь въ полной формѣ.

Меодій. Однако тебѣ пора идти отсюда, а то скоро ея мать придетъ, еще пожалуй скандалъ подыметъ. (Кричитъ въ другую комнату): Эй, Маша! поди простись съ молодцомъ-то.

Маша. (входя) Вы уже уходите...

Безмыкинъ. Да, къ несчастію, я долженъ лишиться созерцанія вашего прелестнаго образа. (Беретъ Машу за руку) Съ вашей прекрасной ручкой я готовъ преодолѣть всѣ жестокия преграды судьбы.

Меодій. На лихачѣ поѣдешь, али по образу пѣшаго хожденія? Эхъ, Маша, если бы ты знала, какъ мы сюда валяли, — отъ самаго что-ни-есть табель — дока Побрекушкина, т. е., какъ на почтовыхъ летѣли, да извозчикъ какой острякъ попался: всю дорогу, то и дѣло, вашимъ сіятельствомъ называлъ; признаюсь, позабавилъ разбойникъ. Я сей часъ обернусь, вотъ только его на большую дорогу сведу. (Оба уходятъ)

VIII.

Маша, Авдотья, потомъ Меодій.

Маша (къ входящей Авдотѣ). Ну, Авдотья, еслибы ты слышала, какъ краснорѣчивъ, какія любезности говорилъ, просто чудо! я, говорить, самъ литература и потомъ сказалъ мнѣ: вы легки, какъ муха.

Авдотья. Такъ это, барышня, не насмѣшка ли какая, какъ же такъ человѣка мухой назвать?

Маша. Нѣтъ, это сравненіе, это теперь мода такая.

Авдотья. Что же это за мода такая чудная? хоть бы, съ чѣмъ нибудь другимъ сравнилъ, вотъ хоть бы, напримеръ, съ голубемъ: вѣдь она то же красивая птица.

Маша (не слушая). Жаль только, что рѣдко будетъ бывать у насъ.

Авдотья. Да чтой-то онъ одѣтъ такъ плохо. Должно быть, такъ какой нибудь... по бѣдности...

Меодій (возвращаясь). Приказалъ засвидѣтельствовать нижайшее; (кланяется); на счетъ втораго посѣщенія заохотился.

Маша. Чтожь ты ему сказалъ?

Меодій. Говорю, моль, можно. На слободѣ еще какъ нибудь приведу. Да онъ и стѣдитъ эвтого, человѣкъ-то рѣдкій. (Задумывается) Слышь, Маша, давеча прихожу къ нему, а онъ это сидитъ и книгу держитъ; только смотрѣлъ, смотрѣлъ въ нее, да какъ шваркнетъ о землю. Я это поднялъ ее, смотрю, книга маленькая, — не много

поболь ладони: чѣмъ же она тебѣ не правилась? спрашиваю, мала что ли? Нѣтъ, говорить, перепутано все; слышь, до какихъ тонкостей дошелъ, ужъ должно быть голова, не то что наши. Да онъ и съ виду такой ученый, все изъ подлбья смотритъ, сентябремъ этакимъ; волосы такъ и завиваются. «Надо мной, говорить, сама природа старалась.» (Помолчавъ) Эхъ, еслибы мнѣ не много прибавить этого (показываетъ на голову); вѣдь самъ чувствую, что недостаетъ, этакъ иногда въ разговорѣ хочешь что нибудь эдакое сморозить, анъ нѣтъ, не то выходитъ.. Да впрочемъ и на что мнѣ: съ своимъ братомъ, мужчиной, и на простыхъ проѣдусь, а дѣвушки наши все въ молчанку играютъ; выходить и большой надобности нѣтъ. Вотъ вчера я зашелъ къ Пердергиной, самой-то дома не было, — я къ дочери, хотѣлъ было ноту провести, а она отъ меня какъ отъ козла пятится, чтожь послѣ этого, только глядѣть на нихъ да облизываться...

IX.

Тѣ же и Кроткина.

Кроткина (поспѣшно входитъ). Ахъ, родные вы мои, радость-то какая, счастье-то какое!

Маша. Что вы, маменька, что съ вами?

Кроткина. Охъ, погодите, мои милые, сей часъ самъ придетъ. Ахъ, дайте духъ перевести!

Авдотья (въ сторону). Ужъ и не вѣсть, небось, какая радость, что нибудь вниманія не стоящее, а она и давай распѣвать, какъ ребенокъ малый, — сужденія, т. е. ни крошечки нѣтъ.

Кроткина. Ахъ, вотъ онъ, мой Меонюшка! (подходитъ къ нему и обнимаетъ) Родной ты мой, счастье-то тебѣ Богъ далъ.

Меодій. Какое счастье, тетенька?

Кроткина. Голубчикъ ты мой, знать на роду тебѣ такъ написано: (показываетъ на входящаго Шабаева) вотъ онъ самъ тебѣ расскажетъ, родной ты мой!

X.

Тѣ же и Шабаевъ.

Шабаевъ. А наконецъ и ты глаза показалъ, ну что? гдѣ слонялся? что видѣлъ, высмотрѣлъ? — эхъ ты голова садовая! — Еслибъ не этакое счастье привалило, (показываетъ кулакъ) я бы по тебѣ прошелся съ этимъ орудиемъ, ты бы у меня отвѣдалъ этого сахара. Счастливъ, что не на того паналъ, другой бы на моемъ мѣстѣ изъ тебя дровъ и лучины наломалъ. Только и дѣла, что по бульварамъ слоняться, а того и не знаешь, какъ отецъ для тебя старается. — Я думаю, всѣхъ святыхъ созвалъ, когда переходилъ порогъ твоей нареченной; что? понимаешь? смекнулъ, въ чемъ дѣло, аль задняго ума не хватило, такъ что ли? эхъ, ты Фефѣла Прасковьевна!

Меодій. Я, точно, тятенька, не совсѣмъ понялъ, къ чему вы рѣчь ведете.

Шабаевъ. Трахтація, понимаешь, вотъ какая: я тебѣ невѣсту приискалъ; говорятъ, оченно молъ пріятно слышать такія рѣчи. На старшей Самоправиной, въ эвтомъ мясоѣдѣ свадьба; у меня скоро: двѣ недѣли на разные ласы да балясы, да двѣ на медовый мѣсяцъ полагаю.

Меодій. Я, тятенька, признаться сказать, ... мое сердце не лежитъ къ ней.

Шабаевъ. Не лежитъ, такъ ляжетъ, это не твоя печаль, твое дѣло родительскій законъ сполнить..

Кроткина. Это ничего, Меонюшка, что она тебѣ не нравится, это только теперь такъ, а поживете, еще какъ полюбите—то другъ друга, и въ писаніи сказано: врага полюби. Вспомню, какъ я съ своимъ жила, сколько муки вытерѣла: придетъ, бывало, хмельной, да какъ заржетъ по лошадиному, ажъ стекла затрясутся. больно любилъ эту охоту, рассказываютъ, еще съ измаленьку все на козлѣ верхомъ ѣздилъ. Охъ, не тѣмъ будъ помянуть, горькую пилъ, сердечный!

Шабаевъ. Да, покойникъ, можно сказать, былъ артистъ первѣющаго сорта. Теперь ужъ нѣтъ такихъ; вѣдь это что такое, бывало полштофа тминной въ одинъ пріемъ уничтожалъ. Придетъ бывало ко мнѣ и скажетъ: ну, Сеня, давай подсластимъ, сей часъ, разумѣется, два полштифеля и давай забавляться и эвти двѣ порціи для него все равно, что капля, т. е. въ одну минуту рѣшалъ. Волосъ дыбомъ становился, носъ, бывало, красный какъ огонь сѣлается. Мушпа тучный былъ осанистый такой, лицо какъ у тельца было. Глаза большіе имѣлъ, какъ выпучить ихъ бывало, уставится въ одинъ предметъ,—звѣрь да и только.—Да, человекъ былъ веселаго характера.

Меодій. Тятенька, хоть бы по крайности на младшей, она не много по-фигурнѣй будетъ.

Шабаевъ. Слышь, Меодій, не надсажай меня, ты и такъ у меня вотъ гдѣ сидишь.

Меодій. Я, тятенька...

Шабаевъ. Неперечь, говорю тебѣ, плохо будетъ; а поди лучше въ лавку, ты чай, забылъ, какая она есть такая.

Кроткина. Скрѣпи сердце, Меонюшка, покорись власти родительской,—Богъ тебя не оставитъ.

Меодій. Я nokоряюсь, тятенька, дѣлайте, что хотите. (Идетъ, говоря): эхъ, голова ты моя побѣдная!

Шабаевъ. Давно бы такъ! (въ раздумьи) А ты, сестра, покуда помалчивай объ эвтомъ дѣлѣ, а то вѣдь ты слаба на языкъ, сей-часъ разболтаешь. Вотъ погоди, сыграемъ свадьбу, тогда хоть въ набатъ бей!...

А. Студинъ.

ВА, ЛА, МИ.

РАЗСКАЗЪ.

(Съ нѣмецкаго).

На одномъ изъ прекрасно устроенныхъ пароходовъ, которые ходятъ между Нью-Йоркомъ и южными приморскими городами, въ обществѣ пассажировъ, состоящемъ изъ однихъ Американцевъ, находились два молодые Нѣмца.

По ихъ платью и по манерамъ можно было тотчасъ заключить, что они были новички изъ переселенцевъ въ Америку, не знакомые еще съ обычаями и нравами страны.

Какъ всѣ переселенцы, а въ особенности Нѣмцы, они все время оставались на платформѣ и любовались прекрасными мѣстностями, которыя попадались на пути, и только тогда, когда ноябрьское солнце скрылось за черныя тучи и началъ накрапывать дождь, они пошли въ роскошный, со всевозможнымъ комфортомъ устроенный залъ; но не зная англійскаго языка, не могли участвовать въ общемъ разговорѣ и усѣлись скромно въ уголокъ не въ большомъ разстояніи другъ отъ друга.

Хотя мы, не вступая съ ними въ разговоръ, тотчасъ узнали въ нихъ Нѣмцевъ, они, казалось, до этого времени были совершенно незнакомы другъ другу, что впрочемъ можно было объяснить тѣмъ, что они были еще новички, и принимая другъ друга за Янке, не хотѣли начать разговора. Только случайно, и то чрезъ посредство настоящаго Янке, Нѣмцы узнали, что они земляки. Американцу показалось, что онъ нечаянно наступилъ на ногу одному изъ Нѣмцевъ, и онъ обратился къ нему съ извиненіемъ: «I beg you pardon, Sir!» Нѣмецъ, не понявшій этихъ словъ и не зная, къ чему они относились, спросилъ по-нѣмецки: что вамъ угодно, милостивый государь? Американецъ принялъ это за обыкновенную примирительную фразу и отошелъ спокойно; но другой Нѣмецъ, слышавшій это, подошелъ къ своему земляку и спросилъ его:

— Вы Нѣмецъ?

— Какъ слышите, отвѣчалъ тотъ?

— Ахъ, очень пріятно! Ужасно скучно, когда не съ кѣмъ сказать слова. Англійскій языкъ, не взирая на мое предварительное изученіе, не дается мнѣ, и сознаюсь, мое невольное молчаніе съ тѣхъ поръ, какъ я въ Нью-Йоркѣ сѣлъ на пароходъ, начинало меня тяготить.

— Такъ вы также сѣли на пароходъ въ Нью-Йоркѣ?

— Да, а вы?

— Я тоже.

— Вы вѣрно живете въ Нью-Йоркѣ?

— О, нѣтъ! Я только четыре дня въ этой странѣ и теперь на дорогѣ къ мѣсту своего назначенія.

— Какъ это странно! Я тоже только четыре дня тому назадъ прибылъ въ Нью-Йоркъ и пробылъ тамъ очень не долго, потому что спѣшу скорѣй обнять милыхъ моему сердцу.

— Вы отправляетесь къ своимъ родителямъ?

— Нѣтъ,—впрочемъ да, если хотите: я ѣду къ своей невѣстѣ, родители которой будутъ скоро и моими.

— Мы точно сговорились. Я тоже ѣду къ своей невѣстѣ и еще сегодня надѣюсь обнять ее.

— А куда вы ѣдете?

— Въ Ричмондъ.

— Въ Ричмондъ?

— Ну, да; отчего это васъ удивляетъ?

— Это неподобно! Мы оба четыре дня тому назадъ прибыли изъ Германіи, въ Нью-Йоркъ сѣли на одинъ и тотъ же пароходъ и ѣдемъ оба въ Ричмондъ, оба къ своимъ невѣстамъ!

— Такъ вы также ѣдете въ Ричмондъ?

— Конечно! и тоже къ моей невѣстѣ — и вы увидите, — къ такой дѣвушкѣ; — но я васъ познакомлю съ нею, и вамъ самимъ можно будетъ судить о ней.

— Берегитесь, другъ мой, я отищу вамъ тѣмъ же, и введу васъ въ домъ моей невѣсты. О, когда вы ее увидите, то, вѣроятно, не будете болѣе отдавать исключительное предпочтеніе вашей.

— Извините, любезный землякъ! Я, конечно, не смѣю сказать ни слова о вашей невѣстѣ, которую заочно уважаю, не имѣя удовольствія знать ее лично; но когда вы увидите мою Амалію...

— О, это также хорошее предзнаменованіе для моей невѣсты, что ее, по крайней мѣрѣ, зовутъ такъ же какъ вашу.

— Какъ? вашу невѣсту зовутъ тоже Амаліей?

— Я не думаю, чтобъ это вамъ могло быть непріятно?

— Конечно нѣтъ. Но очень странно, что наши обстоятельства такъ схожи: какъ будто мы двойники. Позвольте узнать фамилію вашей невѣсты?

— Охотно. Она урожденная Шмидтъ,

— И живетъ въ Ричмондѣ? А въ какой улицѣ?

— Въ Вашингтоновой?

— Какъ? въ Вашингтоновой?

— Не понимаю, что васъ такъ можетъ удивлять. Мою невѣсту зовутъ Амалія Шмидтъ, и она живетъ въ Ричмондѣ, въ улицѣ Вашингтонъ-стритъ. Она писала мнѣ, что ихъ улица еще не имѣетъ нумера, потому что тамъ еще очень мало домовъ, но я надѣюсь скоро отыскать домъ ихъ.

— А откуда родомъ ваша невѣста?

— Вы очень любопытны! Но я охотно удовлетворю

васъ. Моя невѣста изъ Берлина. Она годъ тому назадъ переселилась оттуда и живетъ теперь съ своими родителями въ Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатахъ въ Ричмондѣ. Во время ихъ переселенія я былъ еще подъ опекой и не могъ получить согласія моего опекуна; но какъ только вышелъ изъ опеки, я всю свою наличность обратилъ въ деньги и теперь ѣду къ невѣстѣ, чтобы чрезъ нѣсколько недѣль съ нею обвѣнчаться.

— Надѣюсь, что до этого дѣла не дойдетъ, пока я не откажусь отъ своихъ правъ на Амалію Шмидтъ изъ Берлина, живущую въ Ричмондѣ. Объявляю вамъ, милостивый государь, что это или неумѣстная шутка, или безмѣрная дерзость, выдавать себя за жениха дѣвушки, съ которою вы даже не могли имѣть близкаго знакомства, тѣмъ менѣе могли быть въ такихъ отношеніяхъ. Эта Амалія Шмидтъ, которую вамъ угодно выдавать за свою невѣсту, уже три года сговорена со мною. Годъ тому назадъ, когда они переселились, я еще не кончилъ срока военной службы; теперь я свободенъ, и сиѣшу въ объятія моей невѣсты, и посмотрю, кто осмѣлится мнѣ въ этомъ воспренятствовать!

— Мнѣ очень жаль, что я уложилъ свои письма въ сундукъ, который могу получить не равѣе прибытія парохода къ берегу. Я могъ бы вамъ легко доказать, какъ мало вы имѣете права упрекать меня въ глупой шуткѣ или дерзости, въ которыхъ скорѣе я имѣю право обвинить васъ.

— Милостивый государь, это ужъ слишкомъ! Говорю вамъ, что вы прежде должны у меня украсть письма моей Амаліи, если хотите придать хоть тѣнь правды вашимъ лживымъ выдумкамъ.

— Милостивый государь! вы позволяете себѣ дерзости, и если же тотчасъ не перестанете оскорблять мою честь и честь моей невѣсты, то я проучу васъ, какъ глупаго мальчишку!

Тутъ между спорящими Тевтонами дошло бы дѣло до драки, но вдругъ раздался звонокъ и вошедшій кондукторъ провозгласилъ громкимъ басомъ: «Ричмондъ!»

Въ Америкѣ, гдѣ «время деньги», не пустая фраза, а петина, пароходы на большихъ станціяхъ останавливаются только на нѣсколько минутъ. Еще не доѣзжая до мѣста, кладь, назначенная остаться на станціи, заранее складывается на палубѣ у выхода. Когда пароходъ прѣзжаетъ, она съ немовѣрною скоростью уносится на берегъ, а другая, назначенная для отправки, вносится на пароходъ, и колеса опять начинаютъ шумно вертѣться и уносятъ плывучій дворецъ къ другой гавани на такое же короткое время.

Наши два пассажира ужъ видѣли это прежде и потому, когда раздался звонокъ, они тотчасъ вспомнили

о своих вещах и, бросая другъ на друга злобные взоры, удалились изъ залы.

На мѣстѣ выхода, наши женихи были разлучены суеящеюся толпою народа, но вскорѣ судьба свела ихъ опять.

Оба могли объяснить только, что желаютъ отправиться въ Вашингтонъ-стритъ. Имъ показали туда дорогу и послѣ долгихъ поисковъ оба прибыли туда, но въ различные пункты. Одинъ вошелъ въ пивную лавку, гдѣ въ Америкѣ всегда можно встрѣтить Нѣмцевъ; другой вошелъ въ отворенную мелочную лавку, гдѣ мимоходомъ услышалъ двухъ разговаривающихъ Нѣмокъ и началъ освѣдомляться у нихъ о своей невѣстѣ; но здѣсь судьба путешественниковъ была одинакова: ни въ пивной лавочкѣ, гдѣ, по словамъ хозяина, знали всѣхъ Нѣмцевъ, живущихъ въ этой улицѣ, ни въ мелочной лавочкѣ, гдѣ всѣ статистическія свѣдѣнія этой улицы были не менѣе извѣстны, никто ничего не зналъ о семействѣ Шмидтъ.

Но какъ путешественники упорно стояли на томъ, что въ этой улицѣ непременно должно жить семейство Шмидтъ, то ихъ посылали въ сосѣдніе дома, гдѣ, можетъ быть, имъ могли бы дать болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ неизвѣстномъ семействѣ.

Хотя эти розыски и не повели къ ожидаемому результату, но вскорѣ объ нихъ узнали всѣ Нѣмцы, живущіе на этой улицѣ, и когда разъяснилось, что два путешественника спрашивали одну и ту же фамилію, которой вовсе тутъ и не было, то наши оба Нѣмца, сопровождаемые большою толпою уличныхъ зѣвакъ, опять сошлись вмѣстѣ.

Теперь начались различныя толки подъ открытымъ небомъ между спорящею толпою и нашими женихами, частію негодующими другъ на друга, частію примиренными чрезъ общую неудачу. Ихъ можно было принять за тяжущихся, которые, будучи обезсилены тяжбою, рады были бы ужъ примириться, но ихъ не допускаютъ къ тому адвокаты.

Споръ продлился бы еще долго, еслибы не присоединился къ нимъ молодой человѣкъ, сынъ извѣстнаго богатаго купца въ городѣ.

Молодой человѣкъ, спросивъ, въ чемъ дѣло, тотчасъ увидѣлъ, что изъ этого хаоса нельзя извлечь никакого яснаго понятія о происходившемъ, и потому пригласилъ путешественниковъ послѣдовать за нимъ въ его домъ.

Когда они рассказали ему одну и ту же исторію онъ спросилъ, нѣтъ ли у нихъ писемъ, въ которыхъ ихъ невѣсты обозначили мѣсто своего пребыванія, и получилъ въ отвѣтъ, что у нихъ есть письма, но они находятся въ сундукахъ, которые они оставили на станціи у чиновника конторы, потому что считали

удобнѣе прежде отыскать домъ своихъ невѣстъ, а потомъ ужъ перевести туда всѣ свои вещи.

— Ну, такъ прежде всего, господа, вамъ надо послать за вашими сундуками, — сказала молодой человѣкъ, — чтобы мы могли видѣть ваши письма. Не стесняйтесь и велите, безъ дальнихъ церемоній, принести сюда ваши вещи.

Всѣ новички-переселенцы имѣютъ между собою то общее свойство, что питаютъ подозрѣніе къ каждому туземцу, не взирая на его лѣта и общественное положеніе. До переселенія изъ Европы, они слышали такъ много объ обманахъ, воровствѣ и плутняхъ, ожидающихъ ихъ на каждомъ шагѣ въ Америкѣ, что привыкли видѣть въ каждомъ двуногомъ животномъ Янке, а въ каждомъ Янке — плута и разбойника. При приглашеніи перевезти въ незнакомый домъ свои сундуки, наши новички стояли въ большомъ недоумѣніи и вопросительно смотрѣли другъ на друга. Нѣмецъ-Американецъ, понявшій ихъ смущеніе, сѣвшилъ ихъ предупредить; онъ подалъ имъ карточку, и указавъ на противоположный домъ, сказалъ: видите ли вы этотъ домъ? это нѣмецкая антека, въ которой вы по этой карточкѣ можете получить обо мнѣ подробныя свѣдѣнія.

Путешественники, пробормотавъ извиненіе, удалились, и черезъ нѣсколько времени возвратились съ своими сундуками въ домъ ласковаго молодаго человѣка. Сундуки отперли и достали письма Амаліи Шмидтъ, живущей въ Ричмондѣ въ улицѣ Вашингтонъ-стритъ; но, взглянувъ на нихъ, Американецъ разразился хохотомъ, и чрезъ нѣсколько времени, едва переводя духъ, сказалъ удивленнымъ путешественникамъ:

— Да, развѣ вы не замѣтили, господа, что ваши невѣсты къ слову Ричмондъ прибавили еще двѣ различныя буквы? У одной стоитъ Вашингтонъ-стритъ, Ричмондъ Ла, а у другой Вашингтонъ-стритъ, Ричмондъ Ми, а вы теперь находитесь въ Ричмондѣ Ва.

Чужеземцы все еще стояли въ совершенномъ недоумѣніи, и молодой Американецъ продолжалъ:

— Я вамъ это сейчасъ объясню: въ Соединенныхъ Штатахъ есть болѣе дюжины одинакихъ мѣстныхъ названій, происшедшихъ или отъ извѣстныхъ политическихъ личностей, или отъ другихъ знаменитостей; такимъ образомъ есть несчетное число Франклинъ, Джефферсоновъ, Джексоновъ, Монрозовъ, Левингтоновъ и Ричмондовъ. Чтобы точнѣе обозначить эти мѣста, прибавляютъ всегда сокращенно названіе штата или даже графства, въ которомъ находятся поименованныя города или деревни, такъ на примѣръ: Луизиану сокращаютъ въ Ла, Миссури — въ Ми, Виргинію — въ Ва; а вамъ, господа, нужно было одному ѣхать въ Ричмондъ въ Луизиану, а другому въ Ричмондъ въ Миссури; вы, вѣроятно, въ Нью-Йоркѣ спросили просто Ричмондъ, а тамъ подѣ

этим именемъ всегда разумѣютъ цвѣтущую столицу Виргиніи. А что ваши невѣсты обѣ по фамиліи Шмидтъ, это не можетъ удивлять Нѣмца; Вашингтонъ-стритъ, также можете найти почти въ каждомъ городѣ и деревнѣ Соединенныхъ Штатовъ. Отдохните у меня нѣсколько дней, а я вамъ сыщу оказію, съ которою одинъ отправится на сѣверо-западъ, а другой на юго-западъ; конечно, каждому придется сдѣлать еще нѣсколько сотъ миль, пока вы въ объятіяхъ вашихъ милыхъ невѣстъ найдете награду за перенесенныя неудачи; но вы можете быть по крайней мѣрѣ покойны, что вы не соперники, а только — неопытные новички.

ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ.

(А. А. М—в—вой.)

Заря занимается лентою алой,
Сгоняя медлительно сумракъ почной;
Въ воздушной лазури блестя, какъ опалы,
Ильвуть облака на востокъ золотой.
И тѣсно собирая ихъ, вѣтеръ игривой.
Какъ зодчій волшебный, изъ глыбъ дождевыхъ
Къ разсвѣту построить летитъ торопливо
Воздушный чертогъ... Какъ изъ камней цвѣтныхъ
Встаетъ колоннада!... Свѣтлый перламутра
Надъ нею раскинулся купола сводъ!...
Но вѣтеръ противный, предшественникъ утра,
На замокъ волшебный направилъ полетъ.
Колелется куполь, колонны валятся,
Все зданье въ нестройные рвется куски ...
И глыбы ихъ снова, Богъ-вѣсть-куда, мчатся.
Разсыпаясь въ лилово-золотые клочки!...

По взморью, межъ тѣмъ, въ челпокъ одипокомъ
Мережи рыбакъ въ глубину погружалъ;
На ярко-горѣвшемъ востокъ далекомъ
Воздушныхъ чудесъ онъ, трудясь, не видалъ.
Но рядомъ съ нимъ мальчикъ съ льняными кудрями
На грудь сътей беззаботно сидѣлъ;
Любуясь цвѣтными вдали облаками,
Онъ, съ черствою коркой въ рукахъ, пѣсню пѣлъ;—
И дѣтскаго голоса чистые звуки
Звенѣли по взморью литымъ серебромъ...
Рыбакъ встрепепулся... Заботъ тяжкихъ мѣки
Забывъ онъ... и сильно работалъ весломъ...

Владиміръ Вердеревскій.

ЗАМѢТКИ.

Нѣтъ болѣе смертельныхъ болѣзней!

Поздравляемъ васъ, читатели, съ приобрѣтеніемъ блага, которое недавно объявило о себѣ во всеуслышаніе въ Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиціи. Въ Москвѣ явился докторъ, благодѣтель человѣчества,

изцѣляющій такія болѣзни, которыя донинѣ медицинскій факультетъ всего свѣта признавалъ за неизлѣчимыя. Какъ же не порадоваться такому благополучію? Мы и порадовались, читая это объявленіе. Теперь ни хирагра, ни падачая болѣзнь, ни водяная, ни чахотка, ни ракъ, ни ужасная виттова пляска намъ не опасны: мы обратимся къ этому чудесному доктору и онъ ихъ какъ рукой сниметъ. Одно только жаль, что, какъ слышно, этотъ докторъ самъ страдаетъ двумя весьма опасными болѣзнями: поврежденіемъ мозга и чахоткою кармана.

ПРОМАХЪ ФЕЛЬЕТОНИСТА.

Нѣкій господинъ Н. Н., московскій корреспондентъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, поставляющій фельетонъ въ эту газету, недавно (въ № 155-мъ), отдавая отчетъ о московскихъ журналахъ, отозвался съ большою похвалою о талантѣ г-жи Кохановской, напечатанной въ Русскомъ Вѣстникѣ двѣ прекрасныя повѣсти: «Послѣ обѣда въ гостяхъ» и «Изъ провинціальной галлерей портретовъ.» Соглашаясь вполне съ отзывомъ г. Н. Н. о талантѣ г-жи Кохановской, мы были до крайности удивлены заключительными словами этого отзыва. «Замѣтимъ кстати (говоритъ г. Н. Н.), что имя г-жи Кохановской, какъ мы и говорили, вымышленное имя, хотя и очень прозрачное (?): настоящее имя ея, выставленное на оберткѣ ея «Разказовъ и Очерковъ», К. Вахновская.» Благодаря г-на Н. Н. за это разоблаченіе псевдонима, мы должны, однако сказать ему, что имя г-жи Вахновской, выставленное на оберткѣ ея «Разказовъ и Очерковъ», нисколько не принадлежитъ г-жѣ Кохановской. Г-жа Кохановская псевдонимъ самъ по себѣ, а г-жа Вахновская, то же псевдонимъ самъ по себѣ. Первая изъ нихъ — писательница съ замѣчательнымъ талантомъ, а вторая — посредственность, не представляющая ничего замѣчательнаго. Если г. Н. Н. читалъ «Разказы и Очерки» г-жи Вахновской, и не отличилъ ихъ отъ повѣстей г-жи Кохановской, напечатанныхъ въ Русскомъ Вѣстникѣ, то даетъ этимъ очень невыгодное мнѣніе о своемъ эстетическомъ вкусѣ; если же онъ не читалъ ихъ, то не слѣдовало бы и разглагольствовать съ такою увѣренностію. Впрочемъ, «о вкусахъ не спорятъ», говоритъ старинная пословица, и если г. Н. Н. принадлежитъ къ категоріи тѣхъ знатоковъ изящнаго, которымъ болѣе нравится голосъ пѣтуха, чѣмъ пѣніе соловья, то мы съ удовольствіемъ уступаемъ ему право восхищаться повѣстями г-жи Вахновской, а будемъ молить Бога, чтобъ Онъ избавилъ насъ отъ подобныхъ цѣнителей.

ВЕВЕРЛЕЙ И ДОРОТЕЯ.

(ПЕЧАЛЬНАЯ БАЛЛАДА.)

Идетъ купаться Веверлей;
 Осталась дома Доротея.
 На случай пару пузырей
 Беретъ онъ, плавать не умья.

ГР. МИХАИЛОВЪ

Но горе! злополучный рокъ!
 Нырнуть хотѣла онъ головою;
 Она была тяжелъ погъ, —
 Она осталась подъ водою.

Жена, услышавъ про бѣду,
 Въ ней убѣдиться захотѣла,
 И ноги милыя въ пруду
 Узлавъ, съ тоски окаменѣла....

ГР. МИХАИЛОВЪ

Прошло полвѣка; прудъ заглохъ;
 Давно забыты Веверлей;
 Но все торчитъ тамъ пара погъ
 Да остовъ пѣжной Доротеи.

НАШЕ ВРЕМЯ.

ПИСЬМА КЪ ПРЯТЕЛЮ.

IV.

Вотъ такъ добрыйшая женщина — Вѣра Борисовна! Наши женщины все вообще предобрѣя, какъ я уже сказалъ, но Вѣра Борисовна добрая изъ добрыхъ, добрыйшая изъ добрыйшихъ. Допускай я гиперболы, штрихи *à la David* или *à la Гоголь*, я бы тутъ отъ себя написалъ: Вѣра Борисовна — ангелъ.

Вѣра Борисовна поживаетъ себя въ своемъ домикъ, у Харитонія въ Огородникахъ, поживаетъ, коли считать одну семью, самъ девять. Достатокъ ея самый, кажется, не большой, а Вѣра Борисовна не тужитъ: даже и прислуга у нея не ходитъ босикомъ и естъ кашу съ масломъ. А у Вѣры Борисовны всего восемьдесятъ двѣ души въ Калужской губернии, разумется заложенныя, да вотчина-то мало-земельная, оброчная, и нѣтъ, помимо домика, ея занимаемаго, никакихъ капиталовъ, движимыхъ или недвижимыхъ. Копечно, небольшую конурку, возлѣ кухни, Вѣра Борисовна отдаетъ внаймы стекольщику, ну да стекольщикъ вѣдь платитъ всего 26 рублей въ годъ. Велики ли деньги по нынѣшнему времени!... Поди же вотъ ухитрись прожить, какъ Вѣра Борисовна.

Она же, еще замѣть, вдова, а ужъ извѣстно, что тяжче вдовьяго дѣла? Ничего: живетъ.

У Вѣры Борисовны три сына и пять дочерей: старшему изъ ея дѣтей лѣтъ тридцать, младшему — дочери Лизанькѣ, четырнадцать. И не то, вѣдь, чтобы дѣти приносили въ домъ: куда тебѣ! Имъ бы, пожалуй все изъ дому, — а все сама Вѣра Борисовна, сама да сама, все ея доброта несравненная. Рѣдкая женщина!

А и двигается-то мало. Разъ, что она все больше дома, и дома почти не сходитъ съ дивана, что въ гостиной, откуда и распоряжается всѣмъ, повелеваетъ, можно сказать, будто съ какого трона.

Дочки Вѣры Борисовны, которыхъ числомъ пять, все не дурны, только у старшей, Дуни, лицо въ веснушкахъ, да у предпоследней, Вари, кончикъ носа постоянно красенъ: другихъ изъяновъ въ ея женскомъ поколѣнии нѣтъ. Конечно, одинъ мой знакомецъ говоритъ по поводу дочерей Вѣры Борисовны, что «вотъ отъ этихъ-то рождъ (это конечно не мое выраженіе), которыя принято называть не дурными, а иногда и хорошенькими, и тошно жить на свѣтѣ», но я спѣшу предупредить, что знакомецъ мой почитаетъ себя художникомъ въ душѣ, а на взглядъ подобныхъ господъ, самъ ты знаешь, можно ли обращать вниманіе? Имъ подавай Венеръ да Пенелопъ, имъ мерещатся Мицѣйоны да Офелии, а спрашиваю тебя, кто ихъ видѣлъ, Вечеръ-то, да Пенелопъ, да разныхъ этихъ героинь изъ книжекъ, — кто ихъ видѣлъ? Мечтаніе одно! Не прямѣ ли разсуждать полюдски: бѣла, чиста изъ лица, носъ не безобразный какой, глаза не косые и не разноцвѣтные, талія въ рюмочку, юбка пышная, говоритъ по-французски, танцуетъ польку — можетъ ли такая женщина или дѣвушка быть дурна?

Дочки Вѣры Борисовны все подходятъ подъ эти условія. Даже четырнадцатилѣтняя Лизанька, и та говоритъ по-французски и танцуетъ польку.

Что же сказать противъ нихъ?

Въ сыновьяхъ, такъ правда, не далъ Богъ большаго счастья Вѣрѣ Борисовнѣ. Не то, чтобы который изъ сыновей былъ пьяница, или азарникъ, да какъ-то въ нихъ мало такого, что бы могло ободрить материнское сердце; впрочемъ, это не совсемъ относится къ третьему сыну Вѣры Борисовны.

Старшій сынъ служить, и никто на него не жалуется: видно, дѣло свое онъ исправляетъ и ведетъ себя какъ слѣдуетъ; только проку отъ его службы не чувствуется: жалованьишко пустое, а на стороннюю прибыль нѣтъ фортуны, и награжденія какъ-то тупо валяются. Десятый годъ онъ на штатномъ мѣстѣ, а всего въ двѣнадцатомъ классѣ. Къ празднику же подай ему денегъ на новую жилетку, на извощика да на перчатки.

Второй сынъ Вѣры Борисовны и вовсе непопятный. Записанъ онъ гдѣ-то до открытія вакансіи, а между тѣмъ чуть не помѣшался на книгахъ. Да вѣдь какъ? Самъ ничего достать не умѣетъ, а ты ему — мало что, корми его да одѣвай — подай ту да другую книгу, да все какія-то нужно мудренныя, дорогія. И таковъ онъ почти съ малолѣтства, а особенно съ выхода изъ гимназій. Добрая Вѣра Борисовна на него ужъ рукой махнула: сначала досадно ей было, что будетъ онъ недорослемъ, а тутъ ужъ и жалко стало. Уродиль, видно, Господь, плохенькимъ: что станешь дѣлать? не топить же свое дѣтище!

Третьему сыну Вѣры Борисовны всего девятнадцатый годъ, а онъ и теперь, пожалуй, заткнетъ за поясъ братьевъ. Напримѣръ, мѣста онъ никакого не имѣетъ, а навѣрное получитъ мѣсто, и хорошее, и скоро. Завести знакомство, не простое какое-нибудь, а даже съ графомъ или княземъ, на то ужъ взять третьяго сына Вѣры Борисовны. И посмотри ты, какъ онъ всегда одѣтъ, какіе на немъ галстучки, какой у него приборъ: просто загляденье! Большая надежда возложила бы на него Вѣра Борисовна, и просто считала бы его своимъ утѣшеніемъ, если бъ отъ того не удерживало ее естественное, горькимъ опытомъ купленное недоверіе къ своему мужскому поколѣнію. Нѣтъ — нѣтъ, неволью задумается: дескать, конечно, способный человекъ Митя, да, вѣдь, братъ же онъ своимъ братьямъ; отчего же ему не по нимъ пойти? Однако, отказать Митѣ въ чемъ-нибудь, какъ иногда по неволѣ его братьямъ, Вѣра Борисовна рѣшительно не умѣетъ. Какъ отказать что-нибудь такому прекрасному мальчику?

— Маменька, пожалуйста мнѣ пять рублей. Нужно тросточку купить. Вотъ получу мѣсто, я и вамъ, и сестрамъ такихъ платьевъ накоплю, что чудо. Я на глупыя книги тратиться не стану: что въ нихъ! А по моему тереть локти, такъ было бы изъ чего.

— Это правда твоя, Митя, говоритъ Вѣра Борисовна.

И она даетъ ему пять рублей на покупку необходимой тросточки; и добрые глаза ея подергиваются влагою сладкой надежды; и материнское сердце трепещетъ, позволяя себѣ

въ эту минуту предвидѣть отрадное будущее во-первыхъ для сына, во-вторыхъ для себя и дочерей.

Върѣ Борисовнѣ, разумѣется, ужасно хочется пристроить дочекъ, то есть выдать ихъ замужъ. И я увѣренъ, что она всѣхъ ихъ болѣе или менѣе пристроитъ.

Въра Борисовна хлопочетъ и заботится о томъ, чтобы выдать дочерей своихъ замужъ. Я нахожу это также чрезвычайно естественнымъ, и, след., законнымъ. Не на то ли рождаются дѣвушки, чтобъ выходить замужъ? Не на то ли у дѣвухекъ бывають родители, чтобы хлопотать о выдачѣ дочерей замужъ? Не даромъ о дочеряхъ пѣлось въ прекрасномъ водевилѣ, котораго я, къ слезному моему сожалѣнію, не видалъ:

«А подростутъ поболь,
Тогда отца и мать
Спросите вы, легко ли
Ихъ замужъ выдавать?»

Есть же, однако, щепетильные (чтобы не написать: дикіе) люди, которымъ это желаніе матерей и отцовъ вообще и Въры Борисовны въ частности, желаніе выдать дочерей замужъ, и стараніе о томъ, хлопоты, или, какъ выражаются охотники до фразъ, происки, — кажутся чѣмъ-то недожымъ, не слѣдующимъ, даже непристойнымъ!

Хороши эти господа, неправда ли? Они просто не знаютъ исторіи, они знаютъ ее несравненно меньше нежели я, а я въ школь ничего такъ не боялся, какъ экзамена изъ исторіи.

Развѣ царь Латинусъ не предлагалъ свою дочь, Лавинію, благочестивому Энею? А попрежде еще, развѣ Алкиной, тоже, вѣдь царь, кажется, не предлагалъ Навсикаю, этотъ перлъ хозяйекъ, даже послѣ Пенелопы, столько чтимой въками, — развѣ не предлагалъ онъ Навсикаю Улиссу? А Дарій-то какъ просилъ Александра, чтобъ онъ сдѣлалъ такое одолженіе, былъ ему зятемъ? А у Теренція въ его «Андріанивъ?»... Но я никогда не кончу, или ужъ лучше кончѹ Агамемнономъ. Помнишь? Вѣдь ужъ царь изъ царей былъ, а что велѣлъ онъ сказать Ахиллу: «Дюжину тревожниковъ, десять талантовъ золотомъ, десять коней, приученныхъ побѣждать на играхъ, семь Лесбіекъ, воспитанныхъ на всѣ маверы, а послѣ, пожалуй, двадцать Троянокъ первѣйшаго сорта, то есть просто на выборъ....» Позволь, позволь.... ниже: «У меня, говоритъ, въ моихъ палатахъ, три дочери: пусть выбираетъ, да и все тутъ. И ничего мнѣ отъ него не нужно, то есть, не то чтобы какіе тамъ подарки (по нынѣшнему: интересъ намъ не фигура, намъ обида дорога!); пусть себѣ тащитъ домой къ отцу, которая понравится. Да я еще дамъ въ придачу семь большихъ городовъ, что лежатъ средь зеленыхъ луговъ, богаты отличнымъ (только не зеленымъ) виномъ, славны стадами, а морю смежны!»

Такъ вотъ какъ!

Я не ручаюсь, знаетъ ли все это Въра Борисовна, но для меня ея оправданіе — въ исторіи, великой учительницѣ народовъ и даже царей, какъ говорилъ одинъ мой бывшій учитель. Исторія, законъ обычая, *usus majorum*, развѣ не

все оправдываютъ? Да ты возьми хоть бы Англію. Что оправдываетъ Англію въ ея настоящемъ образѣ дѣйствій? Исторія. Англія каждымъ шагомъ своимъ, каждымъ словомъ подтверждаетъ, что она думаетъ только о себѣ, а до другихъ ей дѣла нѣтъ, что бы съ другими ни случилось, и она даже готова утопить, кого угодно. И никто не удивляется, потому что все давно къ тому привыкли. «Такова политика Англии», заключаютъ благоразумные люди. И Англія продолжаетъ пользоваться всеобщимъ уваженіемъ, быть выставляема, какъ прекрасный образецъ, достойный подражанія: Англія — государство свободное, ея передовые люди говорятъ удивительные спичи, пишутъ удивительныя книги.... Я не вижу даже, почему и намъ не подражать Англии, какъ Въра Борисовна, въ простотѣ своей сердечной, подражаетъ, напримѣръ, Агамемнону.

Однако же, ни одна изъ дочерей Въры Борисовны, до сихъ поръ не замужемъ.

Но это только служить тысячу первымъ доказательствомъ несправедливости свѣта и корыстолюбія мужчинъ нашего времени: по моему иныкъ основаній не существуетъ. Вѣдь какія все предостойныя дѣвицы!

Н. И.—нѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПЕДАГОГУ.

Ученье мнѣ наскучило:
Конецъ концовъ ему!
Оно меня измучило;
Я выученъ всему!
Пишу каллиграфически,
Ты выработалъ слогъ
Мой чуть-что не классически.
Любезный педагогъ!

Не все-жъ мудрить, халдействовать; —
Тетрадь пора сложить.
Учи меня, какъ дѣйствовать;
Учи меня, какъ жить,
Чтобъ я подъ часъ отъ холода
Житейскаго не дрогъ.
Во мнѣ все слабо, молодо,
Любезный педагогъ!

О тайнахъ мірозданія
Не будемъ разсуждать.
Ты рукъ людскихъ созданія
Мнѣ долженъ толковать,
Чтобъ я, какъ часть отъ множества,
Цѣнить разумный могъ
Творенія художества,
Любезный педагогъ!

Ты долженъ къ человечеству
Прямѣй меня подвести. —
Чѣмъ пользу я отечеству,
Скажи, могу принести?
Дорогою тернистою,
Прахъ отрясая съ ногъ,
Пойду я съ вѣрой чистою,
Любезный педагогъ!

Учи меня достойнѣе
Творца благодарить!
Учи меня спокойнѣе
О низкомъ говорить!
Другой, помимо книжнаго,
Дай правды мнѣ залогъ!
Скажи, какъ любятъ ближняго,
Любезный педагогъ!

Скажи, чѣмъ хуже женщина
Тебя или меня?
Неужто деревенщина
Намъ въ Богъ не родня?
Сведи все положенія
И подведи въ итогъ
Таблицу умноженія,
Любезный педагогъ!

И многое подобное
Узнать хотѣлось мнѣ:
Все это не загробное,
Житейское вполне.
Коль на запросы скажешься, —
Воздасть тебѣ самъ Богъ;
А отвѣчать откажешься, —
Плохой ты педагогъ!

А. Баженовъ.

АНЕКДОТЫ.

Одинъ актеръ провинціального театра, по окончаніи спектакля, вышедъ на авансцену для объявленія публикѣ о будущемъ на другой день спектаклѣ, сказалъ: «Завтрашній день представлена будетъ трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе Шиллера.» Сказавъ это, актеръ поклонился и скрылся за опущеннымъ занавѣсомъ.

— Боже мой, какъ вы разсыяны! замѣтилъ ему стоявшій за кулисами режиссеръ: что же вы не сказали заглавія трагедіи?

Актеръ, чтобы поправить свою ошибку, спокойно возвращается къ авансценѣ и, отогнувъ край занавѣса, закричалъ громко къ уходящей съ шумомъ публикѣ:

— Разбойники!

Одинъ молодой человекъ, встрѣтивъ въ обществѣ своего знакомаго, который любилъ шутить и довольно остро, подходитъ къ нему, и ударивъ его по плечу, говоритъ:

— Я замѣчаю, что ты скученъ сегодня.

— Почему это такъ?

— Потому, что ты не шутишь, какъ это бывало прежде.

— Это отъ того, что шутки мои потеряли весь и окончательно вывели меня изъ кредита.

— Какъ это?

— Да такъ: кому ни скажу, что ты уменъ, мнѣ все отвѣчаютъ на это: «нѣтъ, ты шутишь.»

— Скажите пожалуйста, спросилъ одинъ посѣтитель художественной выставки, обращаясь къ художнику: вѣдь эта картина работы г. Н.?

— Да, его.

— Какъ хороша! признаюсь, я никакъ не ожидалъ отъ него такихъ успѣховъ. Эта фигура, вѣроятно, сдѣлана имъ съ натуры?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ художникъ, — это написано имъ съ помощію манкена.

— Ну, да! я такъ и думалъ, — замѣтилъ посѣтитель, — потому что Н. одинъ, безъ помощи кого-либо, написать такъ, какъ это, не въ состояніи.

— Какъ понравились вамъ чужіе края? спросила одна дама другую, богатую, но необразованную и тщеславную.

— Ахъ, очень, особенно середина этихъ краевъ — Парижъ, — отвѣчала туристка. Жаль только, что тамъ по нашему не говорятъ; но за то все знаютъ по-французски; если мы поѣдемъ туда въ другой разъ, то непременно купимъ себѣ около Парижа *подмосковную*.

МЕЛОЧИ.

Неожиданность.

Женился старикъ на молоденькой; пожилъ годокъ съ женою, глядь — у него и сынокъ родился. Это бы не диво, а вотъ чудно что: какъ взглянулъ, видите, это сынокъ на своего родителя, да увидалъ, что тотъ весь какъ лунь съдохонекъ, — вдругъ и вымолилъ: «здравствуйте, дѣдушка!»

Пока человекъ молодъ, онъ никого не хочетъ слушать, а какъ состарится, — никто его не хочетъ слушать.

Дружба между двумя дамами почти всегда имѣетъ основаніемъ несправедливую зависть къ третьей.

Редакторъ О. Миллеръ.